

ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН*

Ключевые слова: глобальные риски, катастрофы, коллективный образ будущего, когнитивные искажения, временная перспектива, доверие, групповая рефлексивность, сетевые сообщества, глобальная идентичность

Аннотация: В статье определяются психологические особенности глобальных рисков, предлагается структура отношения личности и группы к глобальным рискам, выделяются факторы его формирования. Анализ исследований показывает, что при привлечении внимания к глобальным рискам позитивный образ будущего и четкое описание ближайших шагов более эффективны, чем нагнетание тревоги. Рассмотрена роль глобальной идентификации и сетевых сообществ в рефлексии глобальных рисков. Намечены перспективные направления дальнейших исследований в области психологии глобальных рисков.

Key words: global risks, catastrophes, collective representation of the future, cognitive biases, time perspective, trust, group reflexivity, online communities, global identity

Abstract: The article examines the psychological aspects that affect evaluation and prevention of global risks. The structure and antecedents of individual and group attitudes toward global risks are proposed. The analysis of psychological studies shows that a positive image of the future and clarification of opportunities are more effective in global long-term risk prevention than alarmist approaches. The role of global social identity and online communities in global risks prevention is discussed. The directions for further psychological research on the subject are proposed.

Современные риски глобализируются: даже повседневные решения отдельных людей оказываются связанными с глобальными процессами. Риски, накапливающиеся в последовательностях решений и действий, принимают обезличенный характер и уже не могут быть полностью и рационально просчитаны. Риск оказывается неотъемлемой характеристикой любого социального действия.¹ На место производства и распределения общественных благ приходит непрерывное производство рисков, которые сами по себе превращаются в источник прибыли.

В обществе риска представления об угрозах будущего становятся мощным фактором, влияющим на текущую политическую и экономическую ситуацию. Риски оказываются «политически рефлексивными», то есть вызывают к жизни

* Статья подготовлена по Госзаданию ФАНО РФ 0159-2016-0001.

новые политические силы, подвергают перестройке социальные институты. В обществе риска солидарность на почве страхов оказывается мощной силой.

При этом полемика вокруг того, что считать риском, опирается не только на личные и групповые интересы,² но и на социально-психологические,³ а также социокультурные механизмы, конструирующие массовые страхи.⁴ Как в массовом сознании, так и в международных отношениях все более существенное место занимают глобальные риски. Между тем, их психологическая специфика, а также психологические предпосылки их предотвращения пока еще мало изучены.

I. Психологические особенности глобальных рисков и отношения к ним в обществе

Под глобальными рисками понимаются вероятные события или условия, которые могут нанести серьезный урон одновременно нескольким странам или отраслям мировой экономики.⁵ Опубликованный в январе 2016 г. одиннадцатый отчет Всемирного экономического форума указывает на 29 глобальных рисков, выявленных на основе опроса 742 экспертов. Наиболее серьезными среди них признаны климатические изменения, угроза применения оружия массового поражения, вынужденная миграция, нехватка воды и резкое изменение цен на энергоносители.⁶

В последние годы внимание экспертов все больше привлекают к себе глобальные катастрофические риски. Согласно одному из определений, это события, которые могут повлечь за собой гибель более 10 миллионов человек или нанести ущерб более чем в 10 триллионов долларов.⁷ К предельным формам глобальных рисков относятся экзистенциальные риски, то есть события, ведущие к исчезновению человечества или радикальному ухудшению условий жизни. Подчеркивая всю условность разграничения между тесно связанными друг с другом рисками, составители наиболее полного обзора по данной тематике выделяют три основных типа катастрофических рисков:

1) природные риски (например, извержения супер-вулканов, столкновение с астероидом, космическое излучение);

2) непреднамеренные последствия человеческих действий (например, изменение климата, пандемии, последствия развития искусственного интеллекта или экспериментальных запусков коллайдера);

3) враждебные действия (ядерный конфликт, использование террористами средств массового уничтожения, использование биологического оружия и нанотехнологий, угроза тоталитарных режимов).⁸

В более позднем варианте эта классификация включает в себя несколько типов рисков, грозящих уничтожением всего мира: цивилизационные, технологические (в том числе связанные с ядерным оружием, возможными последствиями применения генной инженерии и нанотехнологий и развития искусственного интеллекта и т. п.), антропогенные риски (изменение климата, истощение ресурсов, генетическое вырождение и т. п.), риски глобальной экономической нестабильности (социальное расслоение, финансовые кризисы),

а также природные риски (пандемии, особо масштабные природные катастрофы, падение астероидов, космическое излучение и т. п.).⁹

А.П.Назаретян подразделяет глобальные катастрофы на экзогенные (например, извержение вулкана) и эндогенные (например, когда технический прогресс и экстенсивное развитие опережают рост внутреннего разнообразия и духовности), обращая внимание на то, что именно последние приводили к наиболее существенным изменениям в истории человечества.¹⁰ Согласно известному разграничению Н.Луманна, рисками вообще можно называть лишь ту неопределенность, которая связана с последствиями человеческих решений, именно это отличает риски от опасностей, порождаемых внешними природными силами.¹¹ Тем не менее, с социально-психологической точки зрения, представляется, что в современном обществе противопоставление риска и опасности все более утрачивает смысл. Любая возможная катастрофа, даже не связанная с деятельностью человека, оценивается не сама по себе, а в связи с решениями и действиями (или бездействием) различных лиц и социальных групп, сквозь призму технических возможностей, интересов и взаимоотношений государств или отдельных организаций. Проще говоря, попадая в поле общественного внимания, любая опасность превращается в риск.

Таким образом, существующие классификации рисков основаны на содержании объективных угроз, лежащих в их основе природных и антропогенных процессах и причинно-следственных связях между ними. Тем не менее, глобальные риски – это еще и социально-психологический феномен, коллективные представления, влияющие на поведение людей в различных сферах жизни. В этом смысле речь идет не столько об объективных угрозах, сколько о самосбывающихся и самоотменяющихся пророчествах, об образе будущего, который влияет на развитие событий в настоящем.

Глобальные риски характеризуются несколькими *психологическими особенностями*.

Во-первых, подавляющее большинство глобальных рисков не подтверждается повседневным опытом, не обнаруживается органами чувств, носит неосызаемый характер. Людям свойственно переоценивать маловероятные риски после того, как они столкнулись с наглядными примерами их последствий, «прочувствовали» их на своем или чужом опыте. Наоборот, гораздо более вероятные риски недооцениваются, если они описываются абстрактными прогнозами.¹²

Отсутствие таких рисков в автобиографической и коллективной памяти приводит к тому, что они достраиваются воображением по аналогии с другими катастрофами, носящими локальный характер, имеющих совсем другие причины, предвестия и последствия. В обществе отсутствует опыт противодействия таким рискам, не выработаны адекватные механизмы прогнозирования и адаптации. Примером может служить гигантское землетрясение в Индийском океане в декабре 2004 г., за которым последовало цунами, в результате чего погибло более 300 тысяч человек. Эта катастрофа не была предсказана, так как считалось, что для анализа данных достаточно датчиков на площади 1330 тыс. кв. км. (т. е. никто не верил в возможность 9-

балльных землетрясений, зарождающихся на площади диаметром в 3000 км.).¹³

Между тем, скоротечность развития событий при наступлении глобальной катастрофы не оставляет времени на их осмысление и организацию ответов. Следовательно, психологический парадокс состоит в том, что для подготовки к таким катастрофам человеку не хватает опыта и воображения, а при их наступлении наиболее вероятны шаблонные реакции без возможности обучения на опыте собственных действий. По словам Э.Гидденса, чем тяжелее возможные последствия, тем меньше у нас представления о том, чем мы рискуем, так как если что-то «пойдет не так», то будет «уже слишком поздно».¹⁴

Во-вторых, глобальные угрозы субъективно воспринимаются как отдаленные во времени.¹⁵ Одним из способов психологической защиты личности от негативной и травмирующей информации о глобальной катастрофе, наряду со сверхоптимизмом, является склонность отодвигать угрозы из настоящего и ближайшего будущего в отдаленное будущее. Чем с более отдаленным будущим связывается катастрофа, тем слабее мотивация чем-либо жертвовать для ее предотвращения. Этот эффект, известный как дисконтирование будущего, или временная близорукость, имеет нейропсихологическую подоплеку. Отдаление рисков во времени усиливает целый ряд когнитивных искажений: осмысление в абстрактных категориях и упрощение, нечувствительность к масштабу возможных жертв и блокирование эмпатии, неготовность человека включать эти возможные события в свои жизненные сценарии и планы.¹⁶

В-третьих, переживание глобальной угрозы затрудняет поиск способов ее предотвращения. Иллюзия отдаленности и маловероятности глобальных рисков в массовом сознании провоцирует активистов и СМИ на использование алармистского подхода, то есть на целенаправленное нагнетание коллективной тревоги. Между тем, фрустрация и тревожные состояния снижают способность отдельных людей и социальных групп к поиску нестандартных решений, блокируют групповую рефлексивность и способность к прогнозированию, подталкивают к упрощению ситуации и затрудняют достижение договоренностей.¹⁷ При напоминании о конечности существования и событиях, потенциально опасных для жизни, у нас возникают «эффекты управления ужасом»: стремление поддержать положительную самооценку, конформизм, ориентация на групповые стереотипы.¹⁸ Эмоциональное переживание противоречия между опережающими потребительскими ожиданиями и негативным образом будущего, характерное для «предкризисных» обществ, снижает когнитивную сложность сознания, провоцирует агрессию.¹⁹ Наконец, стремление избежать вероятной потери повышает нашу склонность к рискованным решениям.²⁰ Иными словами, алармизм с целью предупреждения глобальных катастроф парадоксальным образом повышает, а не снижает риски.

В-четвертых, существует асимметрия между техническими возможностями породить глобальные риски и когнитивными и социально-психологическими ресурсами для поиска способов управления ими. Согласно концепции техно-гуманитарного баланса А.П.Назаретяна, чем выше мощь производственных и

боевых технологий, тем более совершенные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества.²¹ Для предупреждения таких рисков необходим не только интеллектуальный, но и социально-психологический капитал: высокий уровень межличностного и межгруппового доверия, идентификация членами группы себя с человечеством и будущими поколениями, оптимизм, способность к групповой рефлексии и коллективному прогнозированию. Между тем, в обществе риска способность к доверию сокращается из-за растущей неуверенности в социальных институтах и конфликта различных социальных ролей и правил, диктуемых лояльностью конкретным социальным группам.

В-пятых, техногенные источники глобальных рисков способны к самовоспроизводству (цепная технологическая реакция, в перспективе – саморазвитие искусственного интеллекта, размножение нанороботов и т. п.), т. е. являются не разовым событием, а нарастающим процессом.²² С психологической точки зрения, это означает, что в ходе катастрофы и даже при ее приближении будут усиливаться фаталистические установки. Убеждение личности или группы в способности влиять на свое будущее легко может смениться на выученную беспомощность, еще больше ускоряя и усугубляя катастрофические последствия.

В-шестых, глобальные риски осмысляются в моральных категориях и требуют самоопределения личности. В отличие от рисков, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни, отношение к глобальным угрозам осмысляется с опорой на моральные ценности, которые могут по-разному трактоваться.²³ По сравнению с другими рисками, возможность гибели человечества и судьба будущих поколений более непосредственно затрагивает идентичность личности и ее ценностно-смысловую сферу.

В-седьмых, представления о глобальных угрозах конструируются под влиянием межгрупповых отношений, используются элитами в своих политических и экономических интересах.²⁴ Это приводит к тому, что массовые представления о глобальных катастрофах и способах их предотвращения далеки от научных, тесно связаны с групповыми стереотипами и политическими взглядами. При этом сами люди могут не осознавать влияния политических убеждений на их отношение к глобальным рискам. Например, настроенные против политики «зеленых» американские консерваторы были менее склонны покупать лампы с пониженным потреблением энергии, когда на них были наклеены «экологические» символы, чем тогда, когда таких ярлыков не было. В 2010–2014 гг. сторонники М.Ромни в США, по сравнению со сторонниками Б.Обамы, значительно чаще покупали «зеленые» товары (солнечные батареи, энергосберегающие лампы и т.п.), хотя объясняли это мотивами экономии, а не заботой об окружающей среде.²⁵

По мнению Н.Бострома, важной особенностью экзистенциальных глобальных рисков является тот факт, что их предупреждение является общественным благом и плохо регулируется рыночными механизмами. Оценка их вероятности и последствий, как правило, сильно искажена текущими экономическими интересами элит. Вместе с тем, выживание человечества

рассматривается как более существенная ценность, чем суверенитет отдельных государств.²⁶

Это открывает возможность использовать глобальные риски как аргумент в пользу нарушения международного права, когда общественным мнением манипулируют ради достижения определенных геополитических целей (примером может служить вторжение США в Ирак под предлогом предотвращения использования оружия массового уничтожения). Иными словами, угроза одних глобальных рисков используется для того, чтобы создавать другие, возможно, гораздо более масштабные и долгосрочные по последствиям социальные катастрофы. Кроме того, следует учитывать, что принятие решений в таких ситуациях подвержено когнитивным искажениям: когда речь идет о предотвращении вероятной потери или ущерба, люди более склонны к рискованным действиям, чем тогда, когда на кону возможность выигрыша.²⁷ Инструменты предотвращения глобальных рисков сами становятся их новыми источниками и генераторами. Примером может быть ядерное сдерживание: огромные арсеналы ядерного оружия, призванные предотвратить глобальную войну, сами превратились в источник экзистенциального риска для жизни на планете.²⁸

Человечество достигло такого уровня технического развития, когда вероятность его выживания напрямую зависит от *отношения к глобальным рискам*, т. е. от характерных для членов определенной социальной группы особенностей ожидания, переживания и осмысления (а) глобальных угроз и (б) совместной деятельности представителей своей и чужих групп, направленной на их создание, использование или предотвращение.

К *ценностно-мотивационным компонентам* отношения личности и группы к глобальным рискам можно отнести субъективную значимость глобальных рисков для настоящего и будущего личности и группы, ценности человеческой жизни, продолжения человеческого рода и благосостояния будущих поколений. Сюда же относится оценка моральной допустимости различных способов использования, провокации или предотвращения глобальных кризисов.

Когнитивные компоненты отношения личности и группы к глобальным рискам включают содержание представлений о глобальных угрозах, их источниках и последствиях; оценку вероятности рисков и возможности выживания; оценку способности отдельных людей, социальных групп и человечества в целом прогнозировать риски и влиять на развитие будущих событий; оценку отдаленности рисков во времени, долгосрочности их воздействия и последствий; представления о своем и чужом вероятном поведении в условиях катастрофы; представления о способах предотвращения рисков, их последствиях; представления о социальных группах, с действиями которых связана реализация риска или его преодоление.

В числе *аффективно-оценочных компонентов* следует выделить уровень тревоги в связи с определенными рисками, выраженность позитивной или негативной оценки ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего человечества, общий уровень оптимизма в отношении будущего – своего и своей социальной группы.

Наконец, к *поведенческим компонентам* отношения личности и группы к глобальным рискам относятся готовность участвовать в тех или иных совместных действиях по прогнозированию, предотвращению, использованию или провоцированию глобальных угроз, а также готовность к тем или иным действиям во время и после катастрофы.

На отношение личности и группы к глобальным рискам влияют *психологические механизмы различного уровня*: внутриличностные (мотивационно-когнитивные искажения, временная перспектива, уровень тревожности, эффекты «управления ужасом смерти», ценностные ориентации, социальная идентичность); межличностные (сеть контактов, дискурсивные практики), групповые (самосбывающиеся пророчества, сдвиг к риску, когнитивные процессы в условиях групповой тревоги и дефицита времени); межгрупповые (уровень ксенофобии, межгрупповая напряженность, групповые стереотипы), организационные (механизмы интерпретации «слабых сигналов» о приближающихся изменениях, когнитивные искажения при коллективном прогнозировании и принятии решений в организациях); механизмы, действующие на уровне общества в целом (социетальные): социально-экономическая ситуация в обществе, обсуждение рисков в СМИ и социальных медиа, формирование коллективных эмоциональных состояний, коллективная «память о будущем», создаваемая футурологами и индустрией развлечений.

Построение *социально-психологической типологии* отношения к глобальным рискам является задачей будущих исследований. Однако, имеющиеся данные об отношении людей к конкретным рискам (ядерной угрозе, изменениям климата, терроризму) позволяют с уверенностью говорить о существовании множества таких типов. Например, исследования представлений о глобальном потеплении у американцев позволили выделить несколько сегментов аудитории:²⁹ «алармисты» (12%), «озабоченные» (27%), «осторожные» (25%), «безразличные» (10%), «скептики» (15%), «противники» (10%). При изучении отношения к ядерной угрозе в массовом сознании были выделены девять возможных ориентаций:³⁰ «романтики» (вера в здравомыслие политиков), «гедонисты» (стремление перед концом света успеть взять от жизни все), «стоики» (вера в неизбежность войны и выживание части человечества), «сторонники устрашения» (вера в то, что угроза ответного удара предотвратит войну), «альтруистические фаталисты» (признание неспособности предотвратить войну в сочетании со стремлением сделать как можно больше для окружающих), «сторонники разоружения» (вера в возможность предотвратить катастрофу силами общественности), «теисты» (убеждение «все в руках Господа»), элиминационисты (вера в необходимость уничтожения потенциальных агрессоров превентивным ядерным ударом), «стремящиеся выжить» (вера в то, что подготовившись, можно пережить катастрофу).

II. Социально-психологические предпосылки предотвращения глобальных рисков

Одним из ключевых отличий современности является ее историчность, понимаемая как набирающие силу рефлексивность, осознанность, субъектность. Именно рефлексивность общества («аутопойэтическая коммуникация» у Н.Луманна, «социальное действие» у А.Турэна, «коммуникативное поведение» у Ю.Хабермаса) дает нам надежду на выживание в обществе риска. Страхи перед будущим играют не только позитивную роль, привлекая внимание к возможным угрозам, но и негативную: они провоцируют «эгоизм национальных государств» и ксенофобию, снижая рефлексивность общества, его способность менять самого себя в результате самоотстранения, оценки себя «со стороны».

Ответ на глобальные риски требует отказа от шаблонных решений и готовности анализировать ситуацию во всей ее сложности. Согласно известному принципу У.Р.Эшби, управление сложными системами требует еще более сложных систем и поддержки разнообразия. Между тем, на практике реакция на глобальные риски проявляется в упрощении, централизации и радикализации. Что способно повысить рефлексивность отдельных социальных групп и общества в целом перед лицом глобальных рисков?

Рефлексия начинается с повышения *чувствительности людей к информации о растущих глобальных рисках*. Это само по себе крайне трудная задача. Исследования психологических барьеров, связанных с восприятием глобальных рисков, хорошо резюмирует П.Э.Стокнис: нам свойственно переоценивать риски, которые зримы, новы и непривычны, персонифицированы в конкретных жертвах, находятся вне личного контроля, постоянно обсуждаются, непосредственны и внезапны, затрагивают нас персонально и связаны с конкретным врагом. И наоборот, мы склонны недооценивать риски, которые скучны, обыденны и привычны, обезличены, отчасти поддаются контролю, не обсуждаются публично, отдалены во времени, нарастают постепенно, имеют природный характер, сказываются на других людях и не связаны с «плохим парнем».³¹ Практические рекомендации, которые дает П.Э.Стокнис для пропаганды борьбы с изменением климата, можно отнести и к большинству других антропогенных глобальных рисков. Вместо запугивания грядущей катастрофой следует говорить о способах застраховать себя и близких; вместо разговоров о разрушении природы указывать на выгоды от здоровья и благополучия; вместо рассуждений о неопределенности будущего делать ставку на подготовленность к неожиданностям, моральные чувства и солидарность; вместо упора на необходимость жертвовать чем-то подчеркивать возможности повышения конкурентоспособности, инноваций и роста.

В 2010 г. Т.Майерс со своими коллегами провела опрос по репрезентативной выборке из 1127 американских студентов. Им предлагалось оценить свою готовность к действиям по защите природы после прочтения различных текстов в СМИ.³² Оказалось, что на реакцию влияет не только тип отношения к глобальным рискам (от алармистского и тревожного до

скептического и крайне негативного), но и сами формулировки, используемые журналистами и экспертами в обращениях к общественности. Авторы исследования приводят пример текста, который вызвал реакции надежды и поддержки у 57% читателей, включая скептически настроенных: «Перепроектирование наших мегаполисов и городов с целью облегчить движение пешеходов, велосипедистов и общественного транспорта позволит сократить число машин на дорогах, снизит уровень диоксида серы в воздухе, уменьшит число аварий и несчастных случаев, а также поможет людям почувствовать себя более физически здоровыми, сбросить лишний вес, укрепить кости, и возможно, даже поможет нам сохранять остроту ума независимо от возраста». А вот пример формулировок, которые у скептически настроенной аудитории вызвали чувства раздражения и гнева: «В последнем из отчетов, которые Пентагон готовит каждые четыре года для Конгресса США, эксперты пришли к выводу о том, что глобальное потепление является ключевой угрозой, способной нанести разнообразный ущерб национальной безопасности. Они также напоминают, что усилия по предотвращению глобального потепления выгодны всем заинтересованным сторонам, так как они снижают глобальные риски и укрепляют национальную безопасность Америки». Как видно из этих примеров, подчеркивание положительных последствий природоохранных действий находит больший отклик, чем алармизм.

Действительно, многочисленные исследования, посвященные информированию о глобальном потеплении, свидетельствуют о том, что запугивание менее эффективно, чем увязывание проактивных действий с повседневным опытом и возможностями улучшить свою жизнь.³³

Еще одно условие рефлексии рисков – это наличие возможности публично обсуждать свои опасения, находить поддержку, совместно искать решения и воздействовать на будущее. Одним из инструментов мониторинга и рефлексии глобальных рисков могут быть корпоративные и глобальные *сетевые сообщества*, формирование которых стало возможным благодаря интернету. Такие глобальные сетевые «движения совести» позволяют преодолевать эгоизм и близорукость национальных правительств.³⁴ Опыт преодоления последствий локальных катастроф и природных бедствий показывает, что сетевые сообщества могут выполнять функции информирования, психологической поддержки и мобилизации волонтеров. Но такие сообщества могут и прогнозировать риски. Речь идет не только об интернет-сообществах социальных активистов (например, «Avaaz»³⁵ – транснациональное сетевое сообщество, проводящее кампании с целью усиления влияния людей и общественного мнения на политику и принятие политических решений), а также сообществах клиентов крупных компаний, критически оценивающих корпоративные решения и активно участвующих в разработке новых продуктов и услуг. Это могут быть международные форсайт-сообщества в социальных сетях, участники которых обмениваются информацией о слабых сигналах приближающихся радикальных изменений (например, «European Foresight Platform», «The Futurist», «Strategic Foresight», «Forecasting Net», «The Futurist Group», «Scenario Planning & Future Strategy Group» и др.). Более того,

объединение добровольцев и любителей вокруг научных проектов принимает масштабы, позволяющие говорить о создании «гражданской науки», основанной на сообществах по интересам, исследованиях по методу включенного наблюдения (партиципативных) и краудсорсинге.³⁶ Такие сообщества могут не только собирать данные для профессиональных ученых, но и помогать в их обсуждении и интерпретации, а в отдельных случаях – разрабатывать исследовательский проект на равных правах с профессиональными учеными, включая формулирование целей и гипотез. Партиципативные исследования являются прообразом рефлексивных социальных механизмов нового типа, когда последствия технологических и социальных изменений регистрируются и обсуждаются с опорой на точные данные. Дальнейшее развитие интернета вещей, алгоритмов работы с большими данными, лазерных резаков и 3D-принтеров создает условия, при которых интернет-сообщества и гражданская наука становятся потенциально мощным инструментом прогнозирования рисков и тестирования научно-технических идей. По-видимому, интернет-сообщества ученых-любителей могут вносить свой вклад в прогнозирование глобальных катастроф, участвуя в работе сетевых «когнитивных центров» по мониторингу рисков.³⁷

Правда, эти же сообщества могут стать еще одним источником глобальных рисков. Развитие технологий дает в руки инженеров-энтузиастов («мейкеров», «биохакеров» и т. п.) мощное оружие, которое может привести к непреднамеренным фатальным последствиям. Это указывает на необходимость не только законодательного регулирования гражданской науки и научно-технического творчества, но и таких социальных технологий, которые позволяли бы участникам сообщества поддерживать групповую рефлексивность, обнаруживать риски и страховать друг друга от ошибок.

Вклад социальной психологии в предотвращение глобальных рисков может состоять в разработке технологий, повышающих долговременность временной перспективы не только отдельных лиц, принимающих решения, но и всего общества. Еще одно важное направление работы – развитие глобальной идентичности, способности личности отождествлять себя не только со своим этносом и государством, но и со всем человечеством.³⁸ Речь идет о формировании двойной идентичности, когда личность сохраняет принадлежность и к своей социальной группе, и к обществу в целом. С точки зрения теории самокатегоризации, актуализация альтернативных идентичностей (неэтнических или неполитических) – гражданских, профессиональных, глобальных и т. п. – не только позволяет снизить межгрупповую напряженность, но и облегчает постановку суперординантных целей (т. е. целей самого высокого уровня), связанных с предотвращением глобальных рисков. Анализ успешно преодоленных антропогенных кризисов показывает, что условием успеха оказывались расширение групповой идентификации, рост внутреннего разнообразия и формирование ценностей, облегчавших межгрупповую интеграцию.³⁹

Важным психологическим условием предотвращения и преодоления глобальных кризисов является позитивный образ будущего, способность ставить *долгосрочные позитивные цели*. Анализ преодоления кризисов

свидетельствует: чем более долгосрочные цели мы ставим перед собой при выходе из кризиса, тем больших жертв удастся избежать.⁴⁰ Исследования управленческих команд российских организаций показывают, что позитивная оценка коллективного прошлого и будущего облегчает постановку более отдаленных целей, групповую рефлексивность, а также веру членов группы в свою способность изменить ситуацию.⁴¹ Экспериментально доказано, что стремление избежать негативного исхода снижает креативность, хотя и повышает аналитические способности, тогда как стремление к позитивным целям подстегивает способность находить нестандартные решения, активируя правополушарную префронтальную кору нашего мозга.⁴²

Не алармистский подход и нагнетание тревоги повышают устойчивость человечества в отношении глобальных рисков, а повышение коллективной осознанности, постановка долгосрочных совместных целей и развитие доверия. Возможность человечества преодолевать глобальные кризисы связана не с избеганием апокалиптического будущего, а с постановкой международным сообществом совместных долгосрочных целей, по отношению к которым глобальные риски будут рассматриваться как препятствие.

III. Направления дальнейших социально-психологических исследований

Подводя итоги, можно выделить несколько перспективных направлений исследований психологических отношений к глобальным рискам.

Во-первых, психология может не только пролить свет на то, почему остаются незамеченными постепенно накапливающиеся изменения, ведущие к глобальной катастрофе, но и должна предложить социально-психологические технологии повышения коллективной рефлексивности в отношении источников глобальных рисков. В связи с этим пристального изучения требуют механизмы групповой рефлексии в больших социальных группах и сетевых сообществах. Особое значение приобретают исследования групповых факторов долгосрочной ориентации на будущее. До сих пор эффекты дисконтирования будущего изучались преимущественно на индивидуальном уровне, тогда как влияние на них со стороны межличностного взаимодействия и групповой динамики остается мало изученным.

Во-вторых, мы все еще плохо понимаем динамику коллективных эмоциональных состояний, распространяющихся через социальные медиа и влияющих на оценку глобальных рисков и на приемлемость тех или иных способов их предупреждения. Несмотря на богатый опыт изучения коллективных эмоций в малых группах и организациях, собственно психологические исследования макрогрупповых эмоциональных состояний находятся пока в зачаточном состоянии.

В-третьих, требуют дальнейшего изучения социально-психологические закономерности совместного прогнозирования рисков в ходе национальных и международных форсайтов, а также формирования коллективного образа будущего в больших социальных группах, объединенных на основании

ценностей, а не конкретных целей. Чрезвычайно перспективным в этой связи является изучение того, как межличностное и групповое взаимодействие влияет на протяженность временной перспективы, эффекты дисконтирования будущего, чувствительность к масштабам риска. До сих пор эти феномены изучались преимущественно на индивидуальном уровне.

В-четвертых, требуют изучения социально-психологические механизмы, провоцирующие и усиливающие глобальные социальные кризисы: терроризм как реакция на фрустрацию и потерю идентичности, формирование гностического мировоззрения, приверженцы которого обретают смысл жизни через уничтожение существующего мира и культуру смерти, и т. п.⁴³

Наконец, мало изученными в психологии являются механизмы идентификации личности себя с человечеством, предыдущими и будущими поколениями. Как повысить значимость глобальной идентичности и мирового гражданства без разрушения национальной гордости и патриотических чувств? Может ли глобальная идентификация повысить способность к межличностному доверию между представителями различных групп в условиях высокого субъективного риска? Как облегчить мобилизацию граждан различных государств для решения глобальных проблем, повысив при этом их защищенность от манипулятивного воздействия со стороны политических и экономических элит, различных пропагандистских машин, создаваемых государствами и террористическими организациями? Решение этих вопросов не может быть найдено без участия психологической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Giddens A. Living in a post-traditional society // Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order / Ed. by U.Beck, A.Giddens, S.Lash. – Cambridge: Polity, 1994. P. 56–109.

² Данлэп Р.И. Обыденное восприятие глобального риска // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2001. № 2. С. 52–57.

³ См.: Гаврилов К.А. Социология восприятия риска. Опыт реконструкции ключевых подходов. – М.: Ин-т социологии РАН, 2009; Бовина И.Б. Риск: социально-психологический взгляд // Психология и право. 2011. № 4. С. 1–10.

⁴ Beck U. Risk society revisited: theory, politics and research programmes // The Risk Society and Beyond: Critical Issues for Social Theory / Ed. by B.Adam, U.Beck and J.Loos. – L.: SAGE Publications, 2005. P. 211–229.

⁵ См.: The Global Risks Report 2016. 11th ed. – Geneva: World Economic Forum, 2016. <http://reports.weforum.org/global-risks-2016/>.

⁶ Там же.

⁷ Bostrom N., Cirkovic M.M. Introduction // Global Catastrophic Risks / Ed. by N.Bostrom and M.M.Cirkovic. – L.; N.Y.: Oxford University Press, 2008. P. 1–29.

⁸ Там же.

⁹ Волков Ю.И. Глобальные риски XXI века // Проблемы анализа рисков. 2015. Т.12. № 2. С. 6–20.

¹⁰ Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. – М.: ПЕР СЭ, 2001.

¹¹ Луманн Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135–160.

¹² См.: Weber E.U. Experience-based and description-based perceptions of long-term risk: why globalwarming does not scare us (yet) // Climatic Change. 2006. V. 77. № 1/2. P. 103–120; Smith N., Leiserowitz A. The role of emotion in global warming policy support and opposition // Risk Analysis: An International Journal. 2014. V. 34. № 5. P. 937–948.

¹³ Малинецкий Г.Г. Размышления о немыслимом // Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы. Риски вымирания человечества в XXI веке. – М.: ЛКИ, 2008. С. 18–37.

¹⁴ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.

¹⁵ См.: Турчин А.В. О возможных причинах недооценки рисков гибели человеческой цивилизации // Проблемы управления рисками и безопасностью. Труды Института системного анализа РАН. Т. 31. – М., 2007. С. 266–305; Yudkowsky E. Cognitive biases potentially affecting judgement of global risks // Global Catastrophic Risks. Op. cit. P. 91–119.

¹⁶ Slovic P. The Feeling of Risk: New Perspectives on Risk Perception (Earthscan Risk in Society). – N.Y.: Earthscan, 2013.

¹⁷ Нестик Т.А. Социальная психология времени. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

¹⁸ Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon Sh. The causes and consequences of the need for self-esteem: A terror management theory // Public and Private Self / Ed. by R.F.Baumeister. – N.Y.: Springer-Verlag, 1986. P. 189–212.

¹⁹ Назаретян А.П. Ук. соч.

²⁰ Корнилова Т.В. Принятие решений и риск: психология неопределенности. Электронное издание по проекту РФНФ. г. Москва, 2014. <http://www.rfh.ru/downloads/Books/144693004>.

²¹ Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. Изд. 2-е, испр. – М.: ЛКИ, 2008.

²² Турчин А.В., Батин М.А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013.

²³ Feinberg M., Willer R. The moral roots of environmental attitudes // Psychological Science. 2013. V. 24. № 1. P. 56–62.

²⁴ McCright A., Dunlap R. The politicization of climate change and polarization in the American public's views of global warming, 2001–2010 // Sociological Quarterly. 2011. V. 52. P. 155–194. <http://news.msu.edu/media/documents/2011/04/593fe28b-fbc7-4a86-850a-2fe029dbeb41.pdf>.

²⁵ Hoffman A. How Culture Shapes the Climate Change Debate. – Stanford: Stanford University Press, 2015.

-
- ²⁶ Bostrom N. Existential risks: analyzing human extinction scenarios and related hazards // *Journal of Evolution and Technology*. 2002. V. 9. № 1.
- ²⁷ Tversky A., Kahneman D. Advances in prospect theory: cumulative representation of uncertainty // *Journal of Risk and Uncertainty*. 1992. V. 5. № 4. P. 297–323.
- ²⁸ Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // *Психологический журнал*. 2011. Том 32. № 2. С. 5-24.
- ²⁹ Maibach E.W., Nisbet M., Baldwin P., Akerlof K., Diao G. Reframing climate change as a public health issue: an exploratory study of public reactions // *BMC Pub Health*. 2010. V. 10. № 299.
- ³⁰ Hamilton S.B., Chavez E.L., Keitlin W.G. Thoughts of Armageddon: The relationship between nuclear threat attitudes and cognitive / emotional responses // *International Journal of Mental Health*. 1986. V. 15. P. 189–207.
- ³¹ Stoknes P.E. *What We Think About When We Try Not To Think About Global Warming: Toward a New Psychology of Climate Action*. – Vermont: Chelsea Green Publishing, 2015.
- ³² Myers T., Nisbet M., Maibach E., Leiserowitz A. A public health frame arouses hopeful emotions about climate change // *Climatic Change*. 2012. № 113. P. 1105–1112.
- ³³ O'Neill S., Nicholson-Cole S. "Fear won't do it": promoting positive engagement with climate change through visual and iconic representations // *Science Communication*. 2009. V. 30. № 3. P. 355–279; Bore I.-L., Reid G. Laughing in the face of climate change? Satire as a device for engaging audiences // *Public Debate Science Communication*. 2014. V. 36. № 4. P. 454–478; Rakow T., Heard C.L., Newell B.R. Meeting three challenges in risk communication: phenomena, numbers, and emotions // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. 2015. № 2. P. 147–156.
- ³⁴ Крылова И.А. Природоохранная компонента в системе коллективной безопасности // *Пути к миру и безопасности*. 2013. № 1(44). С. 7–22.
- ³⁵ <https://secure.avaaz.org/ru/>.
- ³⁶ Sauermann H., Franzoni Ch. Crowd science user contribution patterns and their implications (January 6, 2015) // *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*, January 20, 2015. V. 112. № 3. <http://ssrn.com/abstract=2545945>.
- ³⁷ Десятов И.В., Малинецкий Г.Г., Маненков С.К., Митин Н.А., Отоцкий П.Л., Ткачев В.Н., Шишов В.В. Когнитивные центры как информационные системы для стратегического прогнозирования // *Информационные технологии и вычислительные системы*. 2011. № 1. С. 65–81.
- ³⁸ Нестик Т.А. Глобальная идентичность в обществе риска // *Наука. Культура. Общество*. 2015. № 4. С. 130–140.
- ³⁹ Назаретян А.П. Ук. соч.
- ⁴⁰ Арманд А.Д., Люри Д.И., Жерихин В.В. и др. *Анатомия кризисов*. – М.: Наука, 1999.
- ⁴¹ Нестик Т.А. *Социальная психология времени*. Ук. соч.

⁴² Friedman R.S., Foerster J. Effects of motivational Cues on perceptual asymmetry: implications for creativity and analytical problem solving // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. V. 88. № 2. P. 263–275.

⁴³ См.: Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009; Неклесса А.И. Сердце тьмы: травматическая инклюзия // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2015. № 2. С. 280–295.